Текст · 10 апреля 2022, 08:51
Алла Константинова, Елизавета Нестерова, Тимофей Пнин,

«Где спали, там и срали». Что российские военные оставили после себя в городах, селах и домах украинцев

Раздавленные танками автомобили, разграбленные дома и экскременты — вот что, по словам украинцев, оставила после себя российская армия в городах и селах, которые она захватывала по пути на Киев. После того, как было объявлено отступление, русские солдаты из-под Киева ушли, а с последствиями их пребывания приходится разбираться жителям. «Медиазона» поговорила с украинцами, которые пережили оккупацию и бомбежки своих городов.

Бородянка. «Орудовали в пустом городе, чувствовали себя царями, богами»

«Я не знаю, что это за оружие, но там прям выжжено все внутри, даже обоев нет, прям до штукатурки все выжжено», — говорит о разрушенных многоэтажках в Бородянке, городке в полутора часах езды от Киева, волонтер Антон Савенко[1]. Он вместе с другими добровольцами приехал с гуманитарной помощью в Бородянку 6 апреля, уже после того, как оттуда ушли российские войска.

«Я сам с города Донецка, мне знакома война, — говорит Антон. — Там в соседний мой дом прилетало в 2016 году. Я вам так скажу: все, что было в Донецке,

это просто несравнимо с тем, что я видел. Я даже в Дебальцево был, где котел, где активные бои были в 2014-2015 году. Но такого, как в Бородянке [там] нету, даже процентов на 30 нету».

Спасатели уже нашли под завалами двух многоэтажных домов 26 тел погибших. «В каждый дом был прилет, все окна разбиты, все разбито, — рассказывает Антон. — Центральная улица разрушена полностью».

Люди, чьи тела уже нашли под завалами — и часть тех, кого еще найдут — находились у себя в квартирах во время внезапного ракетного обстрела 28 февраля, говорит житель Бородянки Роман Вагрант. Он и его девушка жили в одном из крайних домов по улице Центральной и видели, как по трассе, так называемому «кругу», в ночь с 24 на 25 февраля в город зашла российская техника. Спустя несколько дней начались обстрелы домов.

«С 24 на 25 ночью они заехали колонной разведывательной, постояли какое-то время и уехали, — вспоминает Вагрант. — Потом опять приехали, зашли в соседние села, оккупировали их. Потом была ситуация, которую освещали в новостях: мужчина один стрельнул то ли по танку, то ли по БТР из ружья, а они по обратке просто взяли на мушку этот дом — и через полтора часа по нему ракетный удар был произведен. Дом в труху — там было шесть человек с годовалым ребенком. Ребенка нашли в течение дня, он еще был жив, но потом умер».

Бородянку бомбили неслучайно — через нее шла дорога на Киев. Сейчас этой дороги уже фактически не существует, все разбито.

Первое, что русские солдаты сделали в Бородянке — въехали на танке в ларек, говорит Вагрант. Загрузив танк сигаретами и алкоголем, поехали к местному ресторану, на крыше которого были установлены флаги Украины — сбили их выстрелами.

«Они 28 февраля открыли огонь по жилым домам просто так, — вспоминает Роман. — Просто ехали и стреляли. 1 марта я успел перевезти семью из дома на окраину Бородянки. Но потом уже стало понятно, что безопасного места в Бородянке в принципе нет. То ли первого, то ли второго марта — я тону в датах — прямо над моим домом, куда я всех перевез, прошел истребитель. Мы думали, это наш истребитель, а он начал прямо над нами пускать ракеты — помногу раз, на несколько кругов заходил. Думали, бомбят колонну русских, а по итогу через несколько часов узнали, что это был удар по "кругу" — это именно дорога, которая на Киев ведет, трасса Киев-Ковель. Они уничтожили девятиэтажный дом, и не один, а через день-два соседний дом тоже на моих глазах [разбомбили]. Я вышел на улицу и наблюдал, как бомбардировщик сбрасывал [на него] пять авиабомб».

Какие именно военные части стояли в Бородянке и соседних селах, Роман не знает: среди солдат были и славянского типа внешности люди, и «буряты, чуваши, кавказцы». Вагрант говорит, что им с друзьями удалось вычислить «одного кадыровца-тиктокера» — тот снимал видео в Бородянке и выкладывал их в тикток.

«Кадыровские — это тикток-воины, — горько усмехается Роман. — Они орудовали в пустой Бородянке, оккупированной, чувствовали себя царями, богами. Но в реальные боевые действия они боялись вступать. Тот уничтоженный дом — где шесть человек погибли — это тоже кадыровцы, их рук дело. Они бородатые, у них экип[2] помощнее, они более укомплектованные были, передвигались на бэтээрах, танках, на джипах».

13 марта Роман и его девушка уехали из Бородянки в другой район — на кроссовере по бездорожью, всего в машине было семь человек. Отец Романа, бывший милиционер, живет в Загальцах, это поселок в 9 километрах от Бородянки. Они увиделись с Романом только 4 апреля, уже после того, как из Загальцев ушли российские войска. Описывая то, что оставили после себя в поселке россияне, Роман волнуется и подбирает слова.

«Мы пришли к другу домой: у него там какая-то чужая плазма, ноутбуки, телефоны , — говорит он. — Они где жили — туда и сносили наворованное. Самый сюр — лежит электросамокат хороший и записка: "Это твоему пацану от русских солдат подгон. Извини за все". Все, что можно распихать в карманы, они забрали. Друг уезжал впопыхах, забыл конверт с

деньгами, там было 300 долларов и пара тысяч гривен. Они забрали все. Еще один товарищ говорит: "Я захожу во двор, у меня тарелка, из которой я кушал [стоит]. Смотрю — какая-то вода в тарелке, я выливать — а там дерьмо". Понимаете? Это выходит за рамки понимания моего лично».

Видео на YouTube

YouTube

Дома в селе Загальцы Киевской области, где жили российские солдаты

@Медиазона

https://www.youtube.com/watch?v=4b35G1e5xc4&feature=youtu.be

Больше всего разрушений в поселке — на главной улице Тараса Шевченко, продолжает Роман: танки давили заборы, двери в домах вскрыты, вся техника вынесена, на фасадах и автомобилях — баллончиком с краской выведенная буква V.

«Дядя рассказывал, что они ставили в ряд машины и давили их танками, — говорит мужчина. — Или одни солдаты выехали посреди ночи — "убивали" машину одну, катались по полю. Она встала — то ли бензин кончился, не знаю — и они из гранатомета ее разбомбили и уехали. Безнаказанность порождает вот такое. Если командование разрешает им так себя вести и мародерить, то о какой армии вообще может идти речь?».

Поселок Загальцы. Фото: Роман Вагрант

Жители поселка утверждают, что российские военные пили алкоголь, найденный в домах, и приходили к фермерам, требуя забить для них кролика или других животных. Однажды пришли и к отцу Романа:

«Отец рассказывает — заглядывают во двор: "А вот кролика можно нам?". Он им отвечает: "Какой кролик, ему и полугода нет, они все маленькие". А они ему показывают на крольчиху: "Вон там большой есть". Он им: "Это кроличка, она только споровалась-[3], ей рожать. Ну нельзя же так". А они говорят:

"Ну вот нам командир сказал принести мясо". Он говорит: "Пойдемте в дом, я вам дам мясо". Открыл холодильник, электричества тогда уже в поселке не было — в любом случае, эти продукты надо было куда-то девать. Говорит: "Вот, возьмите индюшатину, кушайте". А они смотрят друг на друга — ну, вдруг отравлено? Он взял кусок мяса сырого, начал жевать: "Смотрите, со мной все нормально. Берите мясо — уходите". Ну они выпалили ему гениальную фразу: "Командир сказал принести живое, иначе застрелит". В итоге он с ними полчаса словесно бодался, они забрали это мясо и ушли-таки».

Вагрант рассказывает, что пробовал российский сухпаек — «паек хороший, не знаю». Его он взял в машине у убитого солдата, которому они со знакомыми «помогли встретиться с землей».

«Ну, были события, о которых не особо охота разговаривать. Это была ночь 27 февраля, когда самое лютое рубилово было в Бородянке. Его [солдата] подбили, машина в кювет заехала — а у нас парень быстрее всех в кабину заскочил, отверткой ему горло

перерезал и все. Он вез танковые боеприпасы — там целый "Урал" был боеприпасов, плюс пайки, — вспоминает Роман. — Мне, например, в тот день в соседний дом прилетел снаряд — я подымался в квартиру проверить, что там кошка. Да, звучит как сюр: там бомбят, а ты идешь кошку проверяешь».

По словам Вагранта, было заметно, что российские солдаты, занявшие Загальцы, «всего боялись»: «Когда дрон летел, они убегали кто куда, потому что не знали — это их дрон или наш дрон? Боялись, что наши село накроют, у них было убеждение, что наши начнут бомбить село. Но ведь наши прекрасно знают, что там мирное население и туда стрелять нельзя. Они боялись, осознавали, что они смертники. Возможно, в этом одна из причин того, почему они себя так вели — понимали, что живут здесь на птичьих правах».

Местные рассказывают, что в Загальцах в дни оккупации убили сотрудницу больницы. «Хорошая женщина, — говорит Роман. — В регистратуре работала. Обычные рядовые [солдаты] к ней во двор пришли, она им сказала: "Идите отсюда, фашисты". А они ее взяли и застрелили. И соседку, которая это увидела, застрелили тоже. В голову. Еще трое погибли, когда удар был по селу, один под завалами в ангаре выжил. А другой мужчина ходил кормить собак к соседям — на растяжке подорвался, ногу оторвало. Погиб, не успели спасти».

1 апреля российские войска ушли из Бородянки — тогда же волонтеры впервые за месяц смогли попасть в местный приют для собак. Зоозащитники увидели там сотни тел мертвых животных: 200 из

500 подопечных приюта погибли без воды и пищи в запертых вольерах.

В своей квартире в Бородянке Роман Вагрант еще не был — за два месяца до войны они с девушкой доделали в ней ремонт. Говорит, ему уже передали знакомые, что входную дверь в нее вскрыли — впрочем как и во всех других квартирах в обстрелянных домах.

Поселок Загальцы. Фото: Роман Вагрант

Ирпень. «Тех, кто не хотел повиноваться — расстреливали»

«Нас начали бомбить буквально с первых дней. На третий день войны на нашей улице упал снаряд, сгорел соседский дом, на нашем сорвало шифер, выбило стекла, и мы остались без света», — рассказала «Медиазоне» жительница Ирпеня Анжела Полякова.

До 2014 года она жила в Крыму, но после того, как Россия захватила контроль над полуостровом, вместе с семьей переехала в Ирпень, забрав с собой лишь вещи, которые поместились в старую «девятку».

По словам Поляковой, когда российские солдаты частично заняли Ирпень, «начался просто ад»: «Они громили жилые кварталы, частные дома, расстреливали машины с обычными мирными людьми, с детьми. Район, где жили наши

родственники, русские оцепили и просто стреляли во все, что движется, не давали людям эвакуироваться».

> Бои за Ирпень — небольшой город в часе езды от Киева — шли с первых дней войны. Населенный пункт практически сразу оказался обесточен; не было газа, временами полностью пропадала связь. Единственным способом добраться до украинский столицы был мост между Ирпенем и Бучей, но его подорвали ВСУ, чтобы затруднить продвижение российских войск. Однако в первых числах марта российские солдаты все же вошли в Ирпень. Почти месяц они контролировали часть города.
>
> Все это время Ирпень подвергался обстрелам — люди прятались в подвалах и погребах, засыпая и просыпаясь под звуки взрывов. Местные жители рассказывали в интервью «Медузе»[4], что если в первые дни войны могли купить хоть какие-то продукты в магазинах, то на второй и третий полки были уже пусты. В аптеках скапливались огромные очереди, люди закупали медикаменты впрок.
>
> В городе полыхали пожары, люди сидели без отопления, воды и света. Несмотря на заверения Минобороны о том, что российские войска наносят точечные удары лишь по военным объектам, от обстрелов сильно пострадала гражданская инфраструктура — в середине марта горела церковь, была разрушена Детско-юношеская спортивная школа. Снимки уничтоженных снарядами домов разлетелись по мировым СМИ.

Планировалось, что женщины и дети смогут покинуть город по железной дороге, но ее подорвали. Впоследствии местных жителей по гуманитарным коридорам вывозили на автобусах. К 10 марту из Ирпеня, ближайших городов и поселков удалось эвакуировать около 20 тысяч человек. Несмотря на организованные сторонами гуманитарные коридоры, эвакуация из Ирпеня проходила сложно — люди покидали город под обстрелами на свой страх и риск. Из-за разрушения моста горожане вынуждены были пересекать реку по доскам.

Анжела Полякова рассказывает, что узнала об эвакуации случайно. Это было 7 марта. Семья приняла решение во чтобы то ни стало уехать из города.

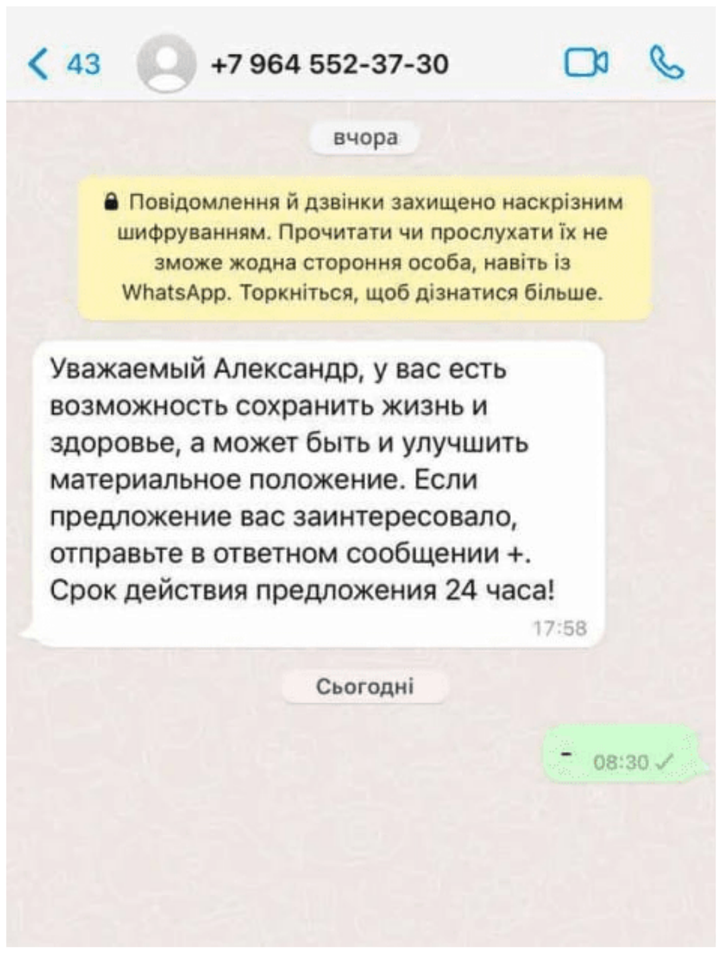
«Нас было семь человек: я, муж, трое взрослых детей и два маленьких ребенка — и сидеть в холодном в подвале полтора на два метра мы уже просто не выдерживали, — рассказывает Анжела. — Сначала мы хотели рискнуть и выехать машиной, но дорога была заблокирована русскими, и мы увидели брошенные танки с буквами V. Так как знали, что это кадыровцы, быстро развернулись назад и решили бросить авто и пешком под мостом со всеми».

Семье Поляковых в итоге удалось покинуть город, как и их родственникам, которым пришлось эвакуироваться, продираясь через лес. Однако выбраться из Ирпеня удалось далеко не всем.

«Би-би-си» приводит рассказ волонтера по имени Максим, который помогал вывозить мирных жителей

из Ирпеня. Он рассказал, что во время поездки в занятую российскими войсками часть города видел заставленную автомобилями улицу: «В каждой машине было по несколько тел гражданских».

«Я думаю, Бог просто спас нас, так как мы уже шли под мостом, и в это время привезли мужчину, раненного в голову, он пытался выехать по той дороге, что и мы хотели, с женой и двумя детьми, — рассказывает Анжела. — На машине была надпись "дети" и белая тряпка на стекле. Их просто расстреляли, выжил он один... Уже доехавши до Киева на эвакуационном автобусе, мы узнали, что сразу за нами россияне расстреляли из "Градов" эвакуировавшихся следом [людей]. Восемь человек погибло, из них двое детей». О расстрелянном автомобиле с надписью «дети» рассказывали и другие жители города.

Скриншот сообщения. Фото: личная страница Александра Маркушина

8 марта мэр Александр Маркушин писал в фейсбуке, что российские войска предлагали ему капитулировать, но он отказался. Через 20 дней российская армия покинула Ирпень, разрушенный город перешел под контроль ВСУ.

По словам Маркушина, по предварительным данным, в Ирпене погибли до 300 мирных жителей и полсотни украинских военных. «Есть погибшие женщины и погибшие дети в том районе, который был оккупирован. Когда мы освободили, мне жители наши рассказали, что оккупанты начали разделять семьи, мужчин забирали, а детей и женщин покидали, — говорит чиновник. — Мужчин забирали на обмен с пленными. Тех, кто им не нравился — есть факты, есть свидетельства людей — расстреливали, тех, кто не хотел повиноваться — расстреливали. Погиб ребенок, погибли многие мужчины».

Судя по фотографиям, которые стали появляться вскоре после того, как Ирпень оказался под контролем украинских военных, российские солдаты, находясь в городе, занимали оставленные жителями дома. Квартиры на этих снимках буквально перевернуты и захламлены мусором.

Tweet link
https://twitter.com/stan_kavi/status/1511435939989573633

На улицах — обгоревшие машины, больше 50 процентов домов уничтожены. Спасатели вытаскивают тела людей из поврежденных зданий. Трупы пытавшихся сбежать из города местных жителей находили и на улицах. В некоторых частях Ирпеня журналисты обнаружили могилы прямо в жилых районах.

Тростянец. «Обосрали наш город в прямом смысле»

«Пока писал это, чуть не заплакал, — отвечает на просьбу описать свой город 18-летний студент из Тростянца Иван Дудка. — Он очень красивый и довольно спокойный, небольшой, но тем и хорош, уютный».

Тростянец — он находится в Сумской области на северо-востоке Украины — действительно небольшой, в нем живет около 18 тысяч человек. Население взрослое, большинство жителей — старше тридцати. Иван говорит, что в городе почти все друг друга знают.

«У нас есть очень-очень красивый парк имени Чайковского, где летом вечером мы собирались с друзьями, — рассказывает Иван. — Аллея влюбленных, возле которой стоит дом Голицына, и круглый двор — все они освещаются разноцветной подсветкой, ночью очень красиво и атмосферно! Дендропарк с тремя озерами, там же грот Нимф и 400-летний дуб. Отличное место для утренней пробежки, для уединения с собой».

Российские войска вошли в город 24 февраля, в первый же день войны. Но уже 2 марта им потребовалась подмога: в этот день дополнительная техника зашла в Тростянец тремя колоннами. Вот уже больше месяца это — совсем другой город, говорит Иван: «Они [российские войска] освоились и начали мародерство — разграбили почти все продуктовые, ювелирные, технические и другие магазины».

Вокзал в Тростянце. Фото: Иван Дудка

Иван видел, что военные ходят по городу группами по несколько человек: «Свиньи, которые обосрали наш город в прямом смысле: в школе на партах, в некоторых учреждениях, в магазинах — везде было несколько куч говна. Там, где спали, там и срали, в прямом смысле», — рассказывает он.

Студент отмечает, что в один из дней украинская армия ударила по складу российских боеприпасов, за что мгновенно поплатилось местное мирное население: российские военные пошли по домам — отбирать телефоны, компьютеры и планшеты. У Ивана и его матери тоже забрали всю технику, от тех солдат пахло перегаром, вспоминает студент.

«У моей знакомой мужа убили за охотничье ружье, полностью разобранное, — рассказывает он. — Много кого убивали просто ради прикола, снайперы стреляли по прохожим. На моей улице чел ходил

и просто куда-то стрелял из пистолета, прострелил окно мне. Во прикол».

21 марта уполномоченная по правам человека в Украине Людмила Денисова сообщала, что российские военные убили главу уличного комитета Анну Самойлову и несколько дней снайперы обстреливали улицу и не пускали жителей забрать тело для погребения. «На днях прямо на улице застрелили парня, который вечером возвращался домой, — писала Денисова. — Застрелили руководителя агропредприятия, который утром на машине ехал на работу. На одной из улиц бросили гранату в людей. В результате взрыва погибли двое мужчин».

Зеленый коридор организовали из соседнего села, говорит Иван Дудка. «У нас до этого уже было два коридора на Полтаву, на которые мы не попали, на третий раз решили попробовать выехать, потому что у нас забрали телефоны, света не было, воды тоже, — объясняет студент. — Мы с мамой решили идти ближе к месту сбора коридора к родственникам, но, пробыв там три ночи и трижды не уехав, вернулись назад, решив — будь что будет».

Улица, на которой живет Иван, осталась без воды в первый же день войны, за ней приходилось ходить к озеру, чтобы помыться или наполнить бачок унитаза. За питьевой водой ходили к колодцу. Света не было тоже: «Ложишься с заходом солнца, встаешь с рассветом. Или со снарядом ночью — как повезет».

К тому моменту, когда Иван с матерью вернулись в свой дом, все жители города по требованию

военных ходили с белыми повязками на рукавах. Российские военнослужащие не позволяли людям свободно ходить по городу и требовали, чтобы к двум часам дня на улице никого не было, а в случае неповиновения угрожали расстрелом. По словам Ивана, дедушку одной из его знакомых застрелили, когда он в неположенное время вышел на улицу.

Дольше, чем на два часа, сам Иван вышел из своего дома только один раз, когда они с матерью ездили к родственникам, в надежде попасть на зеленый коридор.

Так люди в Тростянце жили три недели — без света и связи, не зная доподлинно, что происходит за пределами города. «И вот начали появляться слухи, что к нам приближается ВСУ, мы понимаем, что начнется полный трэш из-за того, что выбить [российских солдат] будет очень и очень сложно, они засели везде по городу», — рассказывает Иван. Российские военные к тому моменту заняли уже не только некоторые жилые дома, но и городскую больницу, выгнав оттуда врачей.

Украинская армия пыталась выбить из города российских солдат четыре дня. Но, по словам Ивана, бои действительно закончились, когда «прилетел [украинский] самолет и начал конкретно их бомбить».

С 26 марта город находится под контролем украинских сил, но жизнь там еще только предстоит наладить: Иван говорит, что в Тростянце до сих пор нет света, «много проводов висит, соответственно, связи тоже нет», в городе много мусора и стоит

трупный запах — многие мирные жители похоронены в братских могилах или в огородах, тела российских солдат лежат на улицах. «Благо было не очень тепло, и все это не развонялось еще больше», — вздыхает юноша.

Вокзал в Тростянце. Фото: Иван Дудка

Он учится на программиста, занимается *3D*-моделированием и в первые дни войны как раз начал новый проект: «Начал его день на третий войны, когда свет был, это что-то типа небольшого королевства с крепостью, домиками, деревьями и все такое».

Сейчас Иван в Тростянце — он волонтер, раздает гуманитарную помощь, убирает улицы и разгребает завалы. Тела мирных жителей до сих пор хоронят в братских могилах, потому что оба кладбища Тростянца заминированы, говорит он буднично: «Да и вообще по всему городу много мин и растяжек, саперы работают, но люди все равно попадают на мины и взрываются».

Редактор: Агата Щеглова

1. Фамилия изменена.

2. Экипировка.

3. Забеременела.

4. Российские власти продолжают массово и бессистемно пополнять списки «иностранных агентов» — туда включают правозащитников, политиков, активистов, журналистов, некоммерческие организации и издания. Закон о СМИ обязывает нас указать, что «Медуза» внесена Минюстом в реестр СМИ, выполняющих функции «иностранного агента».